
УДК 1(091)

ББК 87.3

О 61

О.Н. Оплетаетева,

доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, e-mail: opleole@gmail.com, тел.: 8-918-457-22-70

Л.В. Корсакова,

доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, e-mail: likors@rambler.ru, тел.: 8-905-476-04-29

Николай Кузанский и ренессансный гуманизм

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния ренессансного (прежде всего итальянского) гуманизма XV в. на философию и теологию Николая Кузанского и началу связанной с этим влиянием трансформации средневекового схоластического дискурса — теоцентрического в своих основаниях — в антропоцентрический дискурс новоевропейской мысли. При этом в статье обращается внимание на неоднозначность и противоречивость осуществляемой Кузанцем трансдукции — перехода к новым логическим основаниям внутри прежних схем схоластической логики. Статья завершается сжатой тематизацией интенций третьей части знаменитой книги мыслителя «Об учёном незнании», где впервые излагаются идеи «христианского гуманизма», сформировавшиеся у Николая Кузанского под непосредственным влиянием итальянских и византийских гуманистов.

Ключевые слова: гуманизм (humanitas) и христианский гуманизм, неоплатонизм, антропоцентризм, абсолютный и индивидуальный субъект, микрокосм, «срединная природа (natura media)», Богочеловечество.

O.N. Opletayeva,

Associate Professor of Philosophy Department, Kuban State University of Technology, Krasnodar, e-mail: opleole@gmail.com, ph.: 8-918-457-22-70

L.V. Korsakova,

Associate Professor of Philosophy Department, Kuban State University of Technology, Krasnodar, e-mail: likors@rambler.ru, ph.: 8-905-476-04-29

Nikolay Kuzansky and Renaissance humanism

Abstract. An analysis is made of influence of Renaissance (first of all Italian) humanism of the 15th century on philosophy and theology of Nikolay Kuzansky. The authors of this paper study the beginning of the related transformation of a medieval scholastic discourse, theocentric in the bases, into an anthropocentric discourse of the new European thought. Attention is paid to ambiguity and discrepancy of a transduction carried out by Kuzants, i.e. transition to the new logical bases in former schemes of scholastic logic. The paper comes to the end with the squeezed tematization of intentions described in the third part of the well-known book of the thinker “About Scientific Ignorance”. This book for the first time presents ideas of “Christian humanism”, created at Nikolay Kuzansky under direct influence of the Italian and Byzantine humanists.

Keywords: humanism (humanitas) and Christian humanism, Neoplatonism, anthropocentrism, absolute and individual subject, microcosm, «the median nature (natura media)», God and Mankind.

В настоящее время в историко-философской мысли прочно утвердилась оценка Николая Кузанского как

ренессансного мыслителя, по глубине и значимости своей философии превосходящего как современных ему гума-

нистов Возрождения, так и представителей поздней схоластики [1]. Век, на который пришлась деятельность Кузанца — Кватроченто, — вошел в европейскую историю как век итальянского гуманизма — феномена, который в следующем столетии распространился на всю западную Европу. Но в начале XV столетия родина Николая — Германия — еще оставалась страной вполне средневековой культуры, тогда как Италия — страна, с которой во многом связано его духовное становление, уже жила идеями гуманизма, возрождавшейся античной культуры и новыми духовными запросами. Неудивительно, что и сам Кузанец навсегда сохранил эту двойственность: амбивалентность и парадоксальная противоречивость присущи всему его мировоззрению. Но в то же время во всей истории европейской философии редко кому удавалось столь органично сочетать искреннюю приверженность глубочайшей философской и богословской традиции с весьма смелыми инновациями, имевшими далеко идущие последствия. Не в последнюю очередь Николай Кузанский обязан этим влиянию итальянского (а в некоторых принципиально важных моментах — и византийского) гуманизма XIV — XV веков.

Феномен гуманизма эпохи Возрождения (особенно итальянского) изучен столь же досконально, как и феномен Ренессанса в целом [2]. Главный вклад ренессансного гуманизма в европейскую философию состоял в новом понимании человека, человека, вобравшего в себя многие атрибуты, традиционно приписывавшиеся Богу. На этом пути и был намечен переход от абсолютного субъекта — Бога — к индивидуальному человеческому субъекту, осуществленный значительно позже творцами философии и науки Нового времени в формах, принципиально отличных от ренессансных. Исходный импульс, однако, был задан именно гуманистами эпохи Возрождения, основой мирозерцания которых впервые становится не средневековый теоцентризм и не античный космоцентризм, а антропоцентризм, ставший

основанием всей последующей европейской философии [3].

Открытие человеческой субъективности поначалу сопровождалось значительным ограничением собственно философской проблематики: раннеренессансный гуманизм видел в человеке, прежде всего, субъекта художественного творчества, религиозного чувства, затем — субъекта морали и политики (у Макиавелли). Философская онтология продолжала ассоциироваться со спекулятивной схоластикой (да и на деле пока оставалась таковой), проблемы гносеологии и методологии познания также оставались вне поля зрения гуманистов Возрождения. «По своему происхождению и главной цели гуманизм не был философским движением, — справедливо отмечает Э.Кассирер. — Среди известных гуманистов мы не найдем великих и независимых мыслителей. Их интересы — литературные и научные, но не философские... Однако гуманизм был, тем не менее, способен сослужить важную службу для развития философской мысли. Возрождение классической античности показало, что человек без всякой сверхъестественной помощи в состоянии построить свою собственную вселенную — вселенную человеческой культуры. Это привело к новой концепции человека, к «философской антропологии», очень отличной от средневековой» [4].

Влияние ренессансного гуманизма на Николая Кузанского, помимо филологического и общекультурного, осуществлялось по двум важнейшим направлениям: во-первых, это касалось углубленного усвоения им платонизма и неоплатонизма, во-вторых, разработки проблемы субъекта и человеческой субъективности в весьма специфической христианизированной форме.

По своим основополагающим философским принципам Кузанец, несомненно, был платоником, как и большинство мыслителей раннего Ренессанса, а также мистиков позднего Средневековья. В этом сходятся почти все исследователи его творчества. «Неоплатонизм оставался ... главным содержанием философского наследия,

полученного Возрождением от Средневековья и античности, неоплатониками были в той или иной форме многие мыслители XV в., эволюция неоплатонизма была элементом необратимого роста познания. Но когда речь идет о Николае Кузанском, это уже не глава в истории неоплатонизма; здесь, напротив, неоплатонизм становится главой в характеристике его системы», — отмечает Б.Г. Кузнецов[5]. Прекрасно зная произведения Платона и Прокла, не говоря уж о христианских неоплатониках, многократно на них ссылаясь, Николай в то же время вносит в них существенные коррективы. Этот факт также неоднократно отмечен исследователями творчества Кузанца. Так, автор солидного исследования, посвященного методу философии мыслителя из Кузы, Клаус Якоби указывает на принципиальное отличие неоплатонизма Николая от античного и христианского неоплатонизма: «...как раз решающий пункт онтологии неоплатонизма, идею иерархии бытия, Кузанец принять не может. Совокупность сущего не может быть понята, согласно Кузанцу, как непрерывное ослабление божественного света, ибо такое понимание предполагало бы допущение антибожественного (*gegengottliches*) принципа... Но тем самым падает вся закономерность, в соответствии с которой совершалось у неоплатоников «восхождение» со ступени на ступень. Мыслимый в духе Кузанского «трансцензус» идет не от одной субстанции или сущности к следующей за ней и от этой опять-таки к более высокой ступени; в этой онтологии вообще больше нет иерархически упорядоченного космоса субстанций». Пристальный интерес Николая Кузанского к платонизму и неоплатонизму и глубокое переосмысление им исходных принципов этих учений как раз и позволили немецкому мыслителю выработать собственную оригинальную версию концепции «ученого незнания» [6].

Необходимо отметить, что трансформация неоплатонизма осуществляется Николаем Кузанским в соответствии с тенденцией к «субъективно-имманентной интерпретации действительности», если

использовать терминологию А.Ф.Лосева. И это указывает уже на другую тенденцию мысли Кузанца, сформировавшуюся также под влиянием ренессансного гуманизма. Речь идет о первом в истории европейской философии (и философской теологии) опыте осмысления Бога, мира и человека с позиций теоретико-познавательной установки, с позиций человеческого субъекта, позволяющих с определенной долей достоверности осуществлять объективное познание, исходя из общих предпосылок познавательной деятельности субъекта, из его познавательных способностей с присущими им предельными основаниями и границами: «Для Кузанца остается в силе противоположность между абсолютным бытием и бытием эмпирически-обусловленным, между бесконечным и конечным, но эта противоположность уже не просто догматически утверждается, а должна быть постигнута в своей предельной глубине, выведена из общих предпосылок человеческого познания. Подобная *теоретико-познавательная установка* характеризует Кузанца как первого мыслителя Нового времени. И первый шаг, который он делает как новый мыслитель, заключается в постановке вопроса не о Боге вообще, а о возможности знания о Боге» [7].

В то же время, оставаясь религиозным мыслителем (к тому же мистиком), Кузанец отказывается противопоставлять гуманизм и христианство — исходя из ключевой для него идеи совпадения противоположностей, он христианизует ренессансную идею гуманности: ведь именно в Христе совпадают божественное и человеческое. Вся третья книга трактата «Об ученом незнании» представляет собой, по сути, первую в европейской философии версию христианского гуманизма [8]. Идея Христа выражает у Кузанца идею богочеловечества, в которой совпадают абсолютный и конкретный максимумы: «Если человечество будешь рассматривать в виде некоего абсолютного бытия, ни с чем не смешивающегося и ни во что не конкретизируемого, и рассмотришь человека, в котором

это абсолютное человечество пребывает абсолютным образом и от которого происходит конкретное человечество отдельного человека, то абсолютное человечество будет как бы подобием Бога, а конкретное — подобием Вселенной» [9]. Поэтому человеческая природа, выступая посредником между Богом и остальным миром, есть подлинная «*natura media*», только она способна связать в целостное единство конечное и бесконечное, и сама выступает совпадением противоположностей. Человеческая природа оказывается, таким образом, приобщенной к божественной сущности, образует своего рода «срединную природу», и потому содержит в себе в свернутом (компликативном) виде всю Вселенную, становится «микрокосмом»: «Только срединная природа, связующее звено между низшей и высшей, подходит для возвышения к максимуму могуществом максимальной божественной бесконечности. В самом деле, как высшая ступень низших и как низшая ступень высших порядков она свернуто заключает в себе все природы, и если во всем, что ей присуще, она поднимется до соединения с максимальной, то в ней все природы и вся Вселенная достигнут наивысшей полноты. Но именно человеческая природа, вознесенная над всеми созданиями Бога и немного уступающая ангелам, свертывает в себе и разумную и чувственную природы, сочетает внутри себя всё в мире и за то справедливо именуется древними философами микрокосмом, малым миром» [10]. Так в философию Кузанца входит античная идея микрокосма, переосмысленная в согласии с требованиями христианства, идея, которая будет играть значительную роль в гуманистически ориентированных философских и научных исканиях эпохи Возрождения.

Для Николая важно понять Христа как путь к Абсолюту не только для всякого «конкретного человека», но и для универсума в целом: поскольку Христос как абсолютный человек, будучи микрокосмом уже содержит в себе всё сущее, в единство, осуществляемое посредством «совпадения противо-

ложностей», приходят Бог и весь сотворенный Им мир: «Через такого человека все вещи получили бы начало и конечную цель своего конкретного существования; ...они и исходили бы из абсолютного максимума в конкретное бытие и восходили бы к абсолюту» [11]. В схоластическом мышлении Средневековья восхождение человека к Богу (спасение) понималось, прежде всего, как отрешенность от всего чувственного и мирского, от бренного земного существования. Кузанец, как видим, понимая человека как микрокосм, преодолевает пропасть между Творцом и творением — именно в человеке воплощается вся гармония мира, а это уже, конечно, не средневековый, а совершенно ренессансный взгляд, взгляд христианина-гуманиста. Поэтому вполне можно согласиться с выводом Э.Кассирера: «Тогда не только человек восходит во Христе к Богу, но в самом человеке и благодаря ему осуществляется восхождение универсума. «*Regnum gratiae*» и «*regnum naturae*» («царство благодати» и «царство природы») уже не противостоят друг другу как чуждые и враждебные начала, но соотносятся между собой и устремляются к единой для них цели — к Богу; приходят в единство не только Бог и человек, но Бог и всё сотворенное им. Идея человечества, *humanitas*, как вместе сотворенная и творящая, заполняет пространство отчуждения между творящим началом и сотворенным, Богом и тварью» [12].

В заключение надо отметить, что во времена Николая Кузанского различные сферы философского знания не были сколько-нибудь четко дифференцированы, да и сама философия и наука не имели еще автономного статуса, придававшего им независимость от теологии и религии [13]. Истинность философского и конкретно-научного (вторичного, с точки зрения теологии) знания напрямую зависела от Абсолютной Истины (Бога). Поэтому понимание Универсума и принципы его достоверного познания нужно было искать, исходя из религиозных и богословских постулатов. Именно поисками и обос-

ванием подобных принципов и занимался Николай, субъективно полагая, что он ищет только более доступного для человеческого разума понимания вечных и абсолютных истин христианства, подводит под эти истины более надежный фундамент [14]. Однако парадоксальность ситуации в том и состоит, что в ходе этих поисков была создана философия, выводящая за пределы Средневековья и объективно освобождающая разум от необходимости следо-

вания религиозным догматам. Ирония истории как раз в том и проявилась, что именно кардинал Римской церкви оказался одним из тех, кто подложил под фундамент религиозной догматики мощную мину, правда, замедленного действия. Такой непредвиденный финал лишний раз свидетельствует еще и том, что Николай Кузанский во всех своих амплуа выступал как истинно независимый и свободный мыслитель, т.е. прежде всего, как философ [15].

Примечания:

1. Вот что пишет по этому поводу большой знаток творчества Кузанца, переводчик и комментатор его текстов А.Ф. Лосев: «Это крупнейший мыслитель не только эпохи Ренессанса, но и вообще всей новой и новейшей европейской философии. Николай Кузанский стал не больше и не меньше как папским кардиналом и епископом, что уже не могло не делать его приверженцем строгой католической ортодоксии. И тем не менее его деятельность, и философская, и общественно-политическая, и церковная, гораздо больше способствовала назревавшей тогда секуляризации, чем деятельность иного заправского гуманиста и светского литератора. Можно было бы легко согласиться с наблюдением многих историков философии, что Николай Кузанский представляет собой ключевую фигуру в ренессансной философской мысли. Но признание такого факта не облегчает, а, наоборот, затрудняет для нас задачу изучения этой поворотной эпохи в истории Европы, потому что воззрения Кузанца оказываются ещё более сложными и глубокими, чем многие из тех возрожденческих теорий и учений, ключ к которым мы хотели бы у него найти» // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 291; 301-302.

2. Об итальянском гуманизме см.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985; Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов. Ч. I. Саратов, 1984; Ч. II. Саратов, 1988; Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989; Гарэн Э. Рождение гуманизма: от Франческо Петрарки до Колуччо Салютати // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 41-63; Дильтей В. Постижение и исследование человека в XV и XVI веках // Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времени Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим, 2000. С. 7-75; Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 192-221; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978; Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977; Брагина Л.М. Итальянский гуманизм: этические учения XIV-XV веков. М., 1977; Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976; Богуславский В.М. Проблемы познания в творчестве итальянских гуманистов XIV-XV веков // Общественная мысль. Исследования и проблемы. М., 1990. Вып. III. С. 76-87; Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб., 2007 и мн. др.

3. «...Ренессанс был не просто периодом восстановления духовного наследия античности, но и эпохой возвеличивания, даже деификации человеческой личности. Древность воспринималась в перспективе, открывающей пространство для свободной человеческой деятельности, т.е. в таком предельном горизонте, в коем человек начинал осознавать себя в качестве творца и субъекта своего жизненного предназначения. Художественное творчество, философское и научное мышление во все более возрастающей степени вовлекались в формирующуюся сферу антропоцентрического мирозерцания, которое уже в лице Петрарки сознательно противопоставляло себя средневековому теоцентризму и присущей ему учености» // Сергеев К.А. Указ. соч.. С. 93-94.

4. Кассирер Э. Место Фичино в интеллектуальной истории // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М., 2000. С. 220.

5. Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения. М., 1979. С. 70.

6. Jacobi K. Die Methode der cusanischen Philosophie. Munchen, 1969. S. 181.

7. Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М., 2000. С. 17.

8. «Он обращается к *идее Христа* для легитимации и оправдания религиозной санкции *идеи гуманности*. Этот поворот мысли, которым отмечена книга 3 трактата «De docta ignorantia», получал зачастую настолько превратные толкования, что эту книгу

пытались исключить из системы его *философии*, представляя ее некой произвольной «теологической» добавкой... Но подобное препарирование учения Кузанца чревато разрушением его внутренней самости, его специфической духовной структуры. На самом деле, спекулятивное обоснование и претворение идеи Христа в книге «*De docta ignorantia*» не только не является каким-то внешним довеском к ее содержанию, но скорее только и способствует полному выявлению и раскрытию движущих сил мысли Кузанца» // Там же. С. 39.

9. Николай Кузанский. Об ученом незнании. II. 122. URL: <http://litfile.net/book/305976>

10. Там же. III. 197-198.

11. Там же. III. 199.

12. Кассирер Э. Индивид и космос в философии... С. 40-41.

13. «...для Кузанца ведь еще не существовало ... враждебного противостояния подчеркнуто автономного философского мышления христианской вере и христианской теологии». Haubst R. *Theologie und Philosophie — Philosophie in der Theologie des Nikolaus von Kues* // *Nikolaus von Kues in der Geschichte des Erkenntnisproblem*. Mainz, 1975. S. 234.

14. «...Кузанец весьма далек от каких бы то ни было «модернистских» настроений... Напротив, его задача — надежнее, изначально, радикальнее, логичнее обосновать каноническую архитектуру Бого- и Миропостижения, встраивая в этот умопостижимый храм древнейшие и новейшие формы. Именно двигаясь традиционными путями, сосредоточивая традиционную мысль в ее предельных основаниях, в самом ее источнике, Кузанский неожиданно улавливает иные, далеко не традиционные возможности, тающиеся в том же источнике. В его речи различимы как бы свернутые, «бесконечно малые» отголоски всей будущей философии Паскаля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля... Иными словами, сочинения Кузанца позволяют увидеть рождение нового мира в недрах, в основах самой средневековой культуры» // Ахутин А.В. *Новация Коперника и коперниканская революция* // Ахутин А.В. *Поворотные времена*. СПб., 2005. С. 362.

15. «...на пути от Августина к Гегелю философия Фомы Аквинского, например, представляет собой все-таки нечто куда более локальное и специфичное, собственно средневековое, в то время как от епископа Николая [Кузанского] один шаг и до поздних платоников, и до немецкой классики; богословие Николая представляет собой такой пик, на котором видны все пути западной мысли, и здесь они даны в своей истине, безбоязненно и возвышенно. Богословие Кузанца — высший взлет средневековой мысли, который не просто послужил фундаментом для философии Нового времени, но и остался для нее непревзойденной вершиной» // Сидаш Т.Г. *Неоплатонизм и христианство*. Ч. III // *Плотин. Эннеады. Шестая эннеада. Трактаты IV-IX*. СПб., 2005. С. 383.

References:

1. Here is what a great expert of Kuzanets' works, a translator and an interpreter of his texts A.F. Losev writes about it: «It is the greatest thinker not only of the Renaissance, but also, in general, of all new and the newest European philosophy. Nikolay Kuzansky became no less than the papal cardinal and the bishop, that couldn't make him the adherent of the strict Catholic orthodoxy. And nevertheless his philosophical, political and church activity promoted the coming secularization more than the activity of some other true humanist and secular writer. It would be possible to agree easily with the observations of many historians of philosophy that Nikolay Kuzansky represents a key figure in the Renaissance philosophical thought. But recognition of such fact doesn't facilitate, but, on the contrary, complicates for us the problem of studying this turning era in the history of Europe because Kuzanets' views are even more difficult and deeper, than many of those Renaissance theories and doctrines, the key to which we would like to find» // Losev A.F. *The Renaissance esthetics*. M., 1978. P. 291; 301-302 .

2. See about the Italian humanism: *Works of the Italian humanists of the Renaissance (the XVth century)*. M., 1985; *The Italian humanism of the Renaissance. Collection of texts*. Part I. Saratov, 1984; Part II. Saratov, 1988; Valla Lorenzo. *On the true and false good. On the free will*. M., 1989; Garen E. *The birth of humanism: from Francesco Petrarch to Coluccio Salutati* // Garen E. *Problems of the Italian Renaissance*. M., 1986. P. 41-63; Dilthey W. *Comprehension and research of the person in the XV and in the XVI centuries* // Dilthey W. *View on the world and research of the person since the Renaissance and the Reformation*. M.; Jerusalem, 2000. P. 7-75; Heidegger M. *Letter on humanism* // Heidegger M. *Time and being*. M., 1993. P. 192-221; Batkin L.M. *Italian humanists: lifestyle, the style of thinking*. M., 1978; Gorfunkel A.H. *Humanism and natural philosophy of the Italian Renaissance*.

M., 1977; Bragina L.M. The Italian humanism: ethic doctrines of the XIV-XV centuries. M., 1977; Medvedev I.P. The Byzantine humanism of the XIV-XV centuries. L. 1976; Boguslavsky V.M. Problems of cognition in the works of Italian humanists of the XIV-XV centuries // A public thought. Research and issues. M., 1990. Issue III. P. 76-87; Sergeyev K.A. The Renaissance foundations of anthropocentrism. SPb. 2007 and etc.

3. «... The Renaissance was not simply the period of restoration of spiritual heritage of antiquity, but also a glorification era, even of deification of the human personality. The antiquity was perceived in perspective, opening the space for free human activity, i.e. in such limit horizon in which the person started realizing himself as the creator and the subject of his life mission. Artistic creativity, philosophical and scientific thinking in more and more increasing degree were involved in the being formed sphere of anthropocentric world view, which in the person of Petrarch consciously contrasted itself to the medieval theocentrism and learning inherent in it» // Sergeyev K.A. The mentioned work. P. 93-94.

4. Cassirer E. Ficino's place in intellectual history // Cassirer E. Selected works: An individual and space. M., 2000. P. 220.

5. Kuznetsov B.G. Ideas and images of the Renaissance. M., 1979. P. 70.

6. Jacobi K. Die Methode der cusanischen Philosophie. Munchen, 1969. S. 181.

7. Cassirer E. The individual and space in Renaissance philosophy // Cassirer E. Selected works: An individual and space. M., 2000. P. 17.

8. «He addresses the idea of the Christ for legitimation and justification of the religious sanction of the idea of humanism. This turn of thought by which Book 3 of the treatise «De docta ignorantia» is noted, often received such wrong interpretations that this book was supposed to be excluded from the system of his philosophy, representing it as some free «theological» addition ... But such preparation of Kuzanets' doctrine is fraught with destruction of his internal self, his specific spiritual structure. Actually, speculative justification and realization of the idea of Christ in the book «De docta ignorantia» is not only some external appendage to its contents, but it sooner promotes the full revelation and disclosure of the dynamics of Kuzanets' thought» // Ibidem. P. 39.

9. Nikolay Kuzansky. On scientific ignorance. II. 122. URL: <http://litfile.net/book/305976>

10. Ibidem. III. 197-198.

11. Ibidem. III. 199.

12. Cassirer E. The individual and space in philosophy ... P. 40-41.

13. «... for Kuzanets after all there was no hostile opposition yet ... no emphasized autonomous philosophical thinking to Christian belief and Christian theology». Haubst R. Theologie und Philosophie — Philosophie in der Theologie des Nikolaus von Kues // Nikolaus von Kues in der Geschichte des Erkenntnisproblem. Mainz, 1975. S. 234.

14. «... Kuzanets is very far from any «modernist» attitude of mind ... On the contrary, his task is to prove more reliably, more initially, more radically and more logically the canonical architectonics of God and World understanding, building in this comprehensible temple the most ancient and the newest forms. Moving traditional ways, focusing traditional thought in its limit foundations, in its source, Kuzansky unexpectedly catches some others, far from traditional opportunities hiding in the same source. In his speech as though folded, «infinitesimal» echoes of all future philosophy of Pascal, Descartes, Spinoza, the Edging, Gegel are distinguishable ... In other words Kuzanets' works allow to see the birth of the new world in the depth of, in the basis of the medieval culture itself» // Akhutin A.V. Copernicus's innovation and Copernican revolution // Akhutin A.V. The turning times. SPb. 2005. P. 362.

15. «... on the way from Augustine to Gegel Thomas Aquinas's philosophy, for example, represents after all something much more local and specific, actually medieval, while from the bishop Nikolay [Kuzansky] there is one step and to the late Plato's followers, and to the German classics; Nikolay's theology represents such a peak at which all the ways of the western thought are visible, and here they are given in their truth, fearlessly and loftily. Kuzanets' theology is the highest takeoff of medieval thought which didn't simply serve as the foundation for the philosophy of New time, but also remained for it an unsurpassed top» // Sidash T.G. Neoplatonism and Christianity. Part III / Plotinus. The Enneads. The sixth Ennead. Treatises IV-IX. SPb. 2005. P. 383.